

«...ВЕСЬ крестный путь русской духовной жизни проходит сквозь наше сердце, горит в нашей крови». Это написано в декабре 1919-го. Блоку оставалось жить полтора года. Статья носит странное название — «О списке русских авторов». Собственно, это не статья, именно список, но не канцелярская опись, а синодик, куда вносят имена для поминовения.

Перед смертью Блок как бы дает отчет о столетии русской дворянской культуры. «Все наше прошлое представляется на суд поколениям, следующим за нами людям, очень отличающимся от нас...».

Показательно, что Блок чувствовал потребность дать личный отчет об устремлениях, мыслях, созданиях нескольких поколений своих предшественников. Блок — персонализация целого столетия, завершение линии исторического развития, воплощенное в конкретной человеческой судьбе.

Поэт ощущал значение и груз этого родового наследия. Он мыслит масштабами века — и в «Возмездии», и в публицистике. В поздних статьях любое современное ему литературное явление обретает вековую генеалогию. Охотнее всего отсылал он к началу сороковых годов прошлого века. Пожалуй, это время, ограниченное от предыдущих десятилетий гибелью Пушкина, действительно рубеж некалендарного столетия.

Но Блок и самый личностный, самый узнаваемый среди сверстников поэт. В этом соединении родового (векового) и индивидуального начал — особая значимость, драматизм судьбы и поэзии Блока. Когда он характеризует список поэтов — «Воспоминание, может быть, предсмертное: пред смертью вдруг ярко вспыхивает воспоминание о прожитом, чтобы вслед за тем быстро погаснуть» — он повествует не только о конце столетия — о собственном конце. «Здесь человек сгорел» — приходит на ум строчка близкого ему по духу поэта.

Оглядываясь на XIX столетие, Блок стремится выявить смысл векового движения. Счастье человечества (как бы ни смущала сегодняшнего читателя патетика этих слов) и человеческая кровь — вот что проступает сквозь имена и названия произведений. «Страдания» — ошибки, падения, взлеты, все, добытое человеческой кровью, — пишет он о поэтическом наследии века, — имеем ли мы право предавать забвению добытое кровью? Нет, не имеем. Надемся ли мы, что добытое кровью сослужит еще службу людям будущего? Надемся».

Эта клятва, данная от имени века, эти слова, слишком пронзительные, чтобы согласовываться с безразличной торжественностью юбилея, — разве не обращены они и к нашему сознанию, к нашим сердцам?

ВОЗМЕЗДИЕ

Три заветные темы у русской литературы XIX века. Глобальное самоопределение страны (Россия и мир, в основном Россия и Запад). Самоопределение интеллигенции (интеллигенция и народ). Самоопределение личности (от титанических героев, воспетых поэтами XVIII века, к «лишним людям» и разночинцам).

Эти темы выделял и Блок, в частности, обращаясь к творчеству Аполлона Григорьева. Кстати, в статье о его судьбе Блок подчеркивал особое значение этого художника: «Он — единственный мост, перекинутый к нам от Грибоедова и Пушкина: шаткий, висящий над страшной пропастью интеллигентского безвременья, но единственный мост». Несомненно, в многозначительной характеристике поэта, родство с которым Блок сознавал и подчеркивал, сказались раздумья и о собственной роли в литературе.

Все три названные центральные темы литературы века прослеживаются в творчестве Блока. Россия и Запад — прежде всего «Скифы», а также «Стихи о России», многие письма, дневники. Народ и интеллигенция — об этом вся публицистика. Самоопределение личности — множество стихов и, конечно, «Возмездие». Но есть еще одна тема, чья патетика выделяется даже на фоне напряженных исканий литературы прошлого столетия. Впервые ее с присущей ему резкостью сформулировал Белинский, и эта его формула тысячекратно отозвалась в статьях, речах, стихах и романах.

«...Если бы мне и удалось взлезть на верхнюю ступень лестницы развития, — писал критик, — я и там бы попросил вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II-го и пр., и пр.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии: может быть, это очень выгодно и усадительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить свою участь идею дисгармонии».

Привожу эту цитату, ибо в наше время

ее почти не вспоминают. Другое (воспользуясь музыкальным термином) «проведение» этой темы куда более памятно современному читателю. «...От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «Боженьке!»» («Братья Карамзовы» Достоевского. Глава «Бунт»).

И эта пронзительно звучащая тема века многократно повторена в творчестве Блока. Нет, тут не простое механическое повторение. Блок принимает ее как кровное, мучительное наследие.

Она всюду — в стихах, дневниках, статьях. Вот дневниковая запись 1912 года: «Какая тоска — почти до слез. Ночь — на широкой набережной Невы, около университета, чуть видный среди камней ребенок, мальчик. Мать («простая») взяла его на руки, он обхватил ручонками ее за шею — пугово. Страшный, несчастный город, где ребенок теряется, сжимает горло слезами».

ВЕЧЕРНЯЯ

А это стихи, к которым Блок возвращался неоднократно, — под ними двойная дата: сентябрь 1911 — 7 февраля 1914 года.

Да, так динтует вдохновение:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где унижение,
Где грязь, и мрак, и нищета,
Туда, туда, смиренней, ниже, —
Оттуда зримей мир иной...

Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?

Боюсь, для нас закрыт пафос этого и многих других стихотворений Блока. Пафос вины, не сентиментальной и не уступчивой, исключающей возможность компромисса с собственной совестью. Нам надо собрать все свои нравственные, весьма порасшатанные модной «амбивалентностью» силы, чтобы пробиться к сердцевине поэзии Блока. Иначе мы не поймем ничего!

Не поймем хотя бы провидческого характера этих стихов. Ведь тому, кто писал о голодных нищих в Париже, суждено было умереть от истощения и голода в непочтительном Петрограде. Поэт обычно предчувствует собственную гибель. Но Блок не сделал и шага, чтобы отклонить ее. Стремился к бездне?

И тут пора рассмотреть трансформацию грозной темы Белинского—Достоевского — Блока. У Белинского она прямолинейно социальна (эту прямолинейность наследуют и доведут до предела его радикальные последователи). Критик знает врагов человечества и прямо указывает на них: короли, инквизиция — словом, темные силы прошлого, а также те, кто сегодня определяет «условия жизни», то есть власть и деньги имущие.

В порыве благородного негодования он готов отдать жизнь за жертвы социальной несправедливости. И в столь же искреннем порыве требует новых жертв, провозглашая, что, если два миллиона жизней потребуются для уничтожения неравенства, следует беспрепятственно пожертвовать ими.

Но уже у современника и кумира Белинского — Лермонтова тема утрачивает воинствующую однозначность. О грядущих гекатомбах трупов поэт пишет с обреченной горечью:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невзвешенных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хинки вызывать;
И станет глад сей бедный край терзать;
И заревом окрасит волны рек:
В тот день явится могучий человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож...

Белинский страстно любил Лермонтова — за «мотивы протеста» в первую голову. Но поэт прозревал будущее намного дальше, чем его восторженный толкователь. Смотрел, по крайней мере, на сто лет вперед.

Дальнейшие видоизменения этой темы хорошо известны. Призывы к «топору» с одной стороны, а с другой — мысль об искуплении общественного греха ценой личной жертвы. Об этом писали Достоевский, Толстой, Аполлон Григорьев, чьи слова «Мы — его (века)» — А. К.» жертвы» сочувственно цитировал Блок.

Из дряхлеющих рук столетия поэт принял все его проблемы и боли. Пафос мести и жертвенное начало равно близки его душе.

В наследии шестидесятых — исток антибуржуазного пафоса Блока. Он доходил до иступленного физического неприятия

28 ноября —

110 лет

со дня рождения

Александра

БЛОКА

ЖЕРТВА

ВЕЧЕРНЯЯ

самого типа капиталиста. Поразительна запись в дневнике:

«Я живу в квартире, а за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живет БУРЖУА с семейством... Господи Боже! Дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивает мысли... Он лично мне еще не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до того-то патологического истерического омерзения, мешает жить. Отойди от меня, сатана, отойди от меня, БУРЖУА, только так, чтобы не прикасаться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, сатана».

Безотчетное неприятие? Почему же. Другая дневниковая запись поясняет это чувство:

«...Меня ужасно беспокоит все кадетское (для Блока — символ буржуазности. — А. К.) и многое еврейское, беспокоит благополучием, неумением и нежеланием радикально перестроить строй души и головы».

Сытое самодовольство, благополучие — за счет обездоленных, глухота и музыка «мирового оркестра», в котором грозно звучит тема возмездия, — вот что вызывало ненависть поэта. «В психологии людей, обладающих материальным и нравственным достатком, есть одно глубоко вкоренившееся чувство: чувство отращения и людям очень несчастливый, неудачливый, конечный, «бывшим», или — к таким, которые нажуются конечными. Это... одна из бесчисленных, почти незаметных для пристрастившегося глаза язв, которые лечатся железом, «если же не лечит железо, лечит огонь»: огонь революций».

Антибуржуазный пафос роднил Блока с шестидесятниками. Хотя эта часть их наследия была общерусской. Я хочу обратить внимание современных читателей на то, что вся русская культура — «левые» и «правые» ее течения, социалисты и консерваторы, государственники и анархисты — глубоко, органично антибуржуазна. К. Аксаков ненавидел буржуа не меньше Герцена. Леонтьев — не меньше Чернышевского. Лев Толстой — не меньше Горького.

Об этом важно напомнить сегодня, когда вульгарные газетные публицисты пытаются утвердить буржуазные ценности в качестве идеала. На этом пути им придется сперва преодолеть сопротивление русской жизни, русской культуры. Поломать и извратить все ее традиционные симпатии и табу, перевернуть все наше мышление, всего русского человека переколоть. А впрочем, впервой ли нынешним наследникам певцов красного террора и коллективизации...

В неприятии буржуа сказались демократизм и... аристократизм Блока. «Вы упрекаете меня в аристократизме? — записывал Блок в дневнике. — Но аристократ ближе к демократу, чем средний «буржуа».

Очень важно для понимания Блока замечание. Скажу больше — для понимания всей русской культуры, верной классической традиции. Подобные декларации можно найти у многих русских поэтов — от Пушкина до Пастернака.

И все же в творчестве Блока есть черта, недвусмысленно отделяющая его от родового наследия шестидесятников. Говоря о будущих жертвах, он имел в виду не других, чужих для него людей, — прежде всего себя. Наследник не только пользуется преимуществами, но и несет все тяготы исторических обязательств отцов — эта идея «Возмездия» слишком хорошо известна, чтобы разбирать ее здесь.

Добавлю — Блок в отличие от многих собратов по перу уберет себя от теоретизирования, тем более окрашенного в политические тона. Мудрого достоинства ис-

полнены его слова: «Я — художник, следовательно, не либерал. Пояснять это считаю лишним...». Снова и снова, как заклинание, повторяет он: «Мне надо заниматься своим делом... Быть художником».

Художник — свидетель. «Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух». Это не значит, что поэт оставался равнодушным к крови и страданиям. Другая Блока именно в революционные годы отменяли, что за «безличным отношением» «чувствовалась безграничная, жестоко подавляемая жалость и упорная вера в неизбежность единственного, крестного пути».

Блок прошел этот путь, не уронив достоинства наследника века. Многие упрекали его за «Двенадцать» (сейчас критика раздается вновь). Это все равно что упрекали летописца, запечатлевшего Смутное время, в потакании насилию. Упрек был бы справедливым лишь в том случае, если бы Блок воспользовался славой создателя поэмы. Он не сделал этого. С презрением отверг путь благополучной, обеспеченной жизни. С едкой иронией высмеял подобную возможность в дневнике: «Научиться читать «Двенадцать». Стать поэтом-куплетником. Можно деньги и ордера иметь всегда...»

Он избрал иную дорогу. Точнее, остался верен своей. Стал летописцем им же предсказанного Возмездия. «Умалился» (это слово не раз повторяется в письмах последних лет) до роли хрониста. Или, быть может, стал больше себя. Это выражение он также повторяет в те годы. Больше себя и своей боли. Знаменательны слова из статьи «Душа писателя»: «Есть много талантливых писателей, и нет ни одного, который был бы «больше себя...». А ведь эта народная санкция, это безмолвное оправдание могут поведать только одно:

«Ты много ошибался, ты много падал, но я слышу, что ты идешь в меру своих сил, что ты бескорыстен и, значит, — можешь стать БОЛЬШЕ СЕБЯ. И потому — этим вздохом о тебе я оправдываю тебя и благословляю тебя, — иди еще дальше».

Блок не договорил, как не решаются сказать вслух самые заветные мысли, но безусловно на этой дороге ему виделась возможность преодоления проклятия старого века.

АФИНА ПРОТИВ ГЕИ

Так охарактеризовал отношения интеллигенции и народа Г. Федотов в эссе «Трагедия интеллигенции», написанном с глубоким проникновением в предмет и холодной, ослепляющей блеском стиля яростью. Младший современник Блока Георгий Федотов прямо ссылается на поэта и учитывает многие положения его статей. Он пишет о трагическом противостоянии интеллектуального (Афина) и земного, народного (Гея) начал. «...Русская интеллигенция «идейна» и «беспочвенна». Это ее исчерпывающие определения», — констатирует философ. И безжалостно уточняет: «Беспочвенность есть отрыв: от быта, от национальной культуры, от национальной религии, от государства, от класса, от всех органически выросших социальных и духовных образований».

Характеристика, созвучная мыслям знаменитой блоковской статьи «Народ и интеллигенция» (1908), вызвавшей возмущение столичных интеллектуалов. Реакция этого спяющего кружка показательна. Мерзавцы были выбраны вполне полицейские — Н. Струве отказался печатать статью в

